

Екатерина Михеичева

Екатерина Александровна Михеичева — доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

СИМВОЛ ЧАШИ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ЧАША ЖИЗНИ»

К символическому значению образа чаши в русской литературе обращается Л.А. Иезуитова в статье «Семантика чаши в русской прозе начала века: Борис Зайцев, Иван Бунин, Леонид Андреев, Иван Шмелев» [4]. В статье исследователь убедительно показывает, как русские писатели на-

чала XX века «работают с одним и тем же библейским символом — чаши». Одно из значений образа чаши связано с волей Божьей. В Евангелии от Матфея говорится, что чаша уготовила человеку его судьбу.

В этом значении образ чаши предстает в рассказе И.А. Бунина «Чаша жизни». Прояснить смысл поэтической метафоры помогает диалог героев рассказа: Горизонтова (Мандриллы) и Кира Иорданского:

«— ... Крепко и заботливо держу в своих руках драгоценную чашу жизни.»

— Чашу жизни? — строго переребил о. Кир и широко повел рукой по воздуху. — Жизни здесь? На этой улице? Я не могу спокойно говорить с тобой! <...>» [2, с. 212].

Смысл метафоры расширяется в процессе соотнесения ее с судьбами других героев. Так, об Александре Васильевне сказано: «Видно, была еще какая-то капля меду в чаше ее жизни».

То, что автором метафоры в рассказе является Горизонтов, ярый безбожник, завещавший свой скелет анатомическому театру, придает горько-ироничное значение данному словосочетанию, в других условиях имевшему бы иной — высокий — смысл. В контексте происходящих с героями событий «чаша жизни» становится символическим обозначением суженного, ограниченного «время-пространства», в пределах которого находится человеческая жизнь. Краткое земное существование заставляет человека испытать «чашу жизни» до дна, какой бы горькой она ни была.

«У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своем возрасте, — тем более, что я еще совсем не ощущаю его бремени, — и, значит, был бы избавлен от мысли, что мне будто бы полагается лет через десять или двадцать умереть» [3, с. 5], — размышляет герой романа «Жизнь Арсеньева». «Чувство пути» несут в себе все герои Бунина. «За траву не удержишься!» [1, с. 214] — отвечает смертельно больной Митрофан в «Соснах» на предложение барина съездить в больницу. «Тихо прожил, тихо и умру...» [1, с. 34], — без какого-либо сожаления о долгой одинокой жизни размышляет Капитон Иванович из рассказа «На хуторе». Эпитафией земной жизни становится не только одноименный рассказ («Эпитафия»), но и рассказы «Танька», «Кастрюк», «Вести с родины», «На чужой стороне». «Чаша жизни» слишком горька, чтобы сожалеть о том, что ее испили до дна.

Герои ранних рассказов Бунина, 1890—1900 годов, воспринимают смерть как нечто естественное, неизбежное, имеющее продолжение за пределами земного существования. В рассказах 1910-х сама жизнь оценивается как безостановочное движение к смерти. Каждодневное ожидание смерти объясняется и бессмысленностью проживаемых жизней. Надежды молодости не сбываются, цель, ради которой жил человек, оказывается мелкой и ничтожной.

В рассказе «Чаша жизни» (1913) не один и не два, что характерно для

«малой» прозы Бунина, а четыре главных героя, чьи жизни с малых лет и до кончины связаны друг с другом. Четыре щепочки, скрепленные лычком, которые сунул в руки «Афродиты Розоперстой» (то есть Александры Васильевны) дурачок Яша, символизировали четыре жизни, связанные невидимой, но очень прочной нитью: Александры Васильевны и трех влюбленных в нее юношей — Селихова, Иорданского, Горизонтова.

В рассказе двенадцать глав, каждая из которых — необходимое звено в цепи жизни героев. Первая глава повествует о самом светлом периоде жизни всех четверых — о молодости, беспричинном счастье, влюбленности, «когда шла Саня в кладбищенскую рощу под руку с Селиховым, а сзади, среди подруг Сани, шагал сумрачный Иорданский и, покачиваясь, гудел великан Горизонтов, тоже семинарист» [2, с. 202].

Тридцать лет, разделяющие события в первой и второй главах, изменили и внешность, и внутренний мир героев. Соперничество Селихова и Иорданского, начавшееся из-за Саши Диесперовой, превратилось в жгучую ненависть и стремление любой ценой доказать свое превосходство: «<.. жили в непрестанной думе друг о друге, во взаимном презрении» [2, с. 202]. Формальную победу одержал Селихов — Саша вышла замуж на него, но сам Селихов считал, что Саша, любившая всплакнуть о молодости, плакала и о своей любви к Иорданскому, и потому он «чувствовал к ней тяжелую, холодную злобу».

Третья глава рассказывает об Александре Васильевне, которая за тридцать лет стала «слаба, полна и склонна к слезам, к грусти», и ее муже Селихове, который «разбогател и прославился беспощадным ростовщицеством». В прекрасном доме, в котором жили супруги, не было счастья, потому что рядом сосуществовали чужие люди. Неприязнь друг к другу мужа и жены вылилась в спор о доме: Селихов все время переделывал завещание, а Александра Васильевна плакала и боялась, что он оставит ее нищей. Людям, недостойно проживающим свою жизнь, бог не дает детей: никто из героев рассказа не оставил потомства.

В четвертой и пятой главах рассказывается о жизни Кира Иорданского, и ее оценка дана уже в первом предложении: «Отец Кир пил». Краткий обзор жизни о. Кира дает основание для вывода: при внешней значительности героя и того места, которое он занимал в небольшом городке Стрелецке, свою жизнь он прожил бесполезно! И даже служение Богу не избавило о. Кира от зависти, злобы и прочих смертных грехов, хотя «весь город восторгался о. Киrom, как человеком необыкновенного ума и редкой учености» [2, с. 205]. Он был бескомпромиссен с теми, кто хоть в чем-то шел против него: «навсегда прогнал со двора долой» водовоза, который осмелился отвести бочку воды в дом к ненавистному Селихову. Но это не мешало о. Киру читать наставления и указывать другим, как нужно жить: он наставлял хулиганов-мальчишек, своих прихожан, липецкого мещанина, серба, забредшего в город со своей обезьяной...

В шестой главе автор снова сводит своих сильно изменившихся героев. Александре Васильевне казалось, что была в ее жизни большая любовь, но судьба свела ее с нелюбимым: «Но, может, не о. Кира любила она, а только свою девичью косу, свой мордовский наряд, свою недолгую беззаботность в то далекое лето?». И каково было ей быть между двумя мужчинами, « всю жизнь состязавшимися в первенстве, уступающими друг другу только к могиле дорогу! ».

В пятой главе рассказывается о четвертой «щепочке» в связке дурочка Яши — об учителе Горизонтове по прозвищу Мандрилла. Прозвище свое он получил за то, что был «велик, сутул, неуклюж», отличался постоянством в привычках, «нечеловеческим спокойствием» и чрезмерным аппетитом. У Горизонтова была своя философия, согласно которой «все силы каждого человека должны быть направлены исключительно на продление жизни». И он продлевал свою жизнь ежедневным купанием, отказом от общения с женщинами, строжайшим уходом за своим телом, «костяк» которого завещал анатомическому театру.

Глава восьмая приближает развязку. Сбылись предсказания о. Кира: он провожает в последний путь своего вечного соперника Селихова. Но что стало с самим о. Киrom, который «был страшен» — своим лицом, раздутыми водяной ногами, остекленевшими глазами; с Александрой Васильевной, «изнемогшей от слез» и потерявшей сознание на похоронах мужа. Смерть четко обозна-

чила суетность людских желаний, мелких стремлений, вражды и зависти.

Наконец-то Александра Васильевна стала хозяйкой дома, который так боялась потерять. Но что дала ей свобода? Все, что было ей дорого: молодость, красота, здоровье, любовь — все осталось в прошлом! Ненадолго пережила Александра Васильевна своего мужа: ее «задавили, замаяли в толпе на вокзале» во время приезда какого-то важного гостя.

Рассказ символично заканчивается поездкой Горизонтова в Москву. «Философу — материалисту», все силы направлявшему «на продление жизни», и железной дороге — этому «чудищу» современного мира, — противопоставлен вечный мир природы: «Открылась впереди широкая пустая низменность, заливные луга, извилистая речка, а за речкой, на скате полей — Стрелецк <...>» [2, с. 219]. Вопреки предсказаниям Горизонтова, «продление жизни» не делает человека счастливым. В полном одиночестве заканчивает свою жизнь «давно не встающий с постели, седовласый, распухший, с заплывшими глазами о. Кир». И «продленная жизнь» тоже имеет свой конец.

Только за пределами земной жизни может быть положен конец людским распрям. Смерть объединяет людей. Рядом упокоились враждовавшие при жизни князь и юродивый («Иоанн Рыдалец»), успокоила вечность кипящие страсти героев «Суходола», «Вечным сном спали в кладбищенской роще Александра Васильевна и Селихов — рядом были бугры их могил». Земная жизнь закончилась там же, где когда-то начиналась их любовь.

И как символ обезбоженного мира, утерявшего всякую духовную связь, забывшего о вечном, в конце рассказа вновь возникает образ дурачка Яши, когда-то связанными палочками предопределившего судьбы четырех людей: «А Яша работал в своей часовне над склепом купца Ершова. Отпустив посетителей, весь день плакавших перед ним и целовавших его руки, он зажег восковой огарок и осветил свой засаленный халатик, свою ермолку и заросшее седой щетинкой личико с колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Он работал пристально: стоял возле стены, плевал на нее и затирал плевки сливами, дарами своих поклонниц» [2, с. 220].

Список литературы:

1. Бунин И.А. Сосны, На хуторе // Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1965. 527 с.
2. Бунин И.А. Чаша жизни // Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. 499 с.
3. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1966. 340 с.
4. Иезуитова Л.А. Семантика чаши в русской прозе начала XX века: Борис Зайцев. Иван Бунин. Леонид Андреев. Иван Шмелев // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. СПб.: Петрополис, 2010. С. 677-684.